

На следующий день, точно в назначенное время, Цзя Чжу и Сююй в парадных халатах и головных уборах отправились в экипаже в поместье принца Цзиня.

Сопровождали их верные слуги Цяньсянь, Жуньби и Иньши, а на козлах сидел Чжэн Вэнь. Едва коляска остановилась у ворот резиденции, навстречу гостям поспешил управитель канцелярии Шуй Цзин. Молодые люди сошли на землю.

— Вы слишком любезны, почтенный господин, — в один голос промолвили они.

Управитель склонился в глубоком поклоне и повел гостей через тенистые садовые аллеи к нарядному павильону.

Этот павильон, судя по всему, отстроили совсем недавно: просторный, залитый светом, он поражал строгим изяществом и мог вместить немало гостей. Снаружи, прямо перед окнами, высились подмостки домашнего театра — знак того, что вечер не обойдется без представления. Завидев новоприбывших, навстречу им из дверей вышел сам хозяин, молодой принц Шуй Жун.

Они проследовали за ним внутрь, где уже собралось порядочно гостей. Слуги поместья принца Цзиня то и дело подносили собравшимся свежий чай и изысканные угощения.

Быстро оглядевшись, Цзя Чжу заметил среди гостей троих старых знакомцев: наследника принца Наньань Янь Юя, внука маркиза Пинъюань по имени Цзян Цзынин и Хань Ци, сына графа Цзиньсян. Поскольку их семьи из поколения в поколение связывала тесная дружба, молодые люди поспешили обменяться теплыми приветствиями.

Тем временем Сююй вполголоса спросил Шуй Жуна:

— Ваше Высочество, а тот почетный гость, о котором вы упоминали вчера... неужто еще не прибыл?

— Все собрались, кроме него, — с улыбкой отозвался Шуй Жун. — Придется немного обождать. Пригласить этого господина — задача не из легких.

В этот момент к ним обратился Хань Ци, дружески кивнув Сююю:

— Слыхали мы, молодой господин Линь, что на недавних экзаменах вы удостоились высокого третьего места! Отчего же в вашем поместье до сих пор не гремит победный пир? Мы с братьями с радостью явились бы выказать почтение и разделили бы с вами этот триумф, дабы приобщиться к славе истинного таланта!

Сююй скромно улыбнулся и покачал головой:

— Провинциальные испытания — лишь первая ступень, о которой и говорить не стоит. Вот коли в будущем году мне посчастливится преуспеть на столичных и дворцовых экзаменах, тогда я сочту за честь созвать всех вас на торжество. Обещаю, празднество не заставит себя ждать.

— Послушать брата Сююя, так он совершенно уверен в успехе, — заметил Шуй Жун. — Что ж, не сомневаюсь, в будущем году ваше имя непременно украсит золотой список победителей.

Не успел замолкнуть его голос, как в павильон торопливо вошел слуга и доложил:

— Ваше Высочество, второй молодой господин Хоу только что прибыл и сейчас у ворот.

Шуй Жун тотчас поднялся и обратился к собравшимся:

— Прошу простить мне эту нечтивость, господа. Позвольте мне ненадолго покинуть вас, дабы лично встретить дорогого гостя.

— Полноте, Ваше Высочество, не беспокойтесь о нас, — отозвались гости.

Глядя вслед удаляющемуся принцу, Цзя Чжу смекнул, что новоприбывший и есть тот самый таинственный гость, ради которого хозяин дома готов пренебречь обществом остальных. Он повернулся к сидевшему рядом Цзян Цзынину:

— Послушай, брат Цзянь, а что за птица этот второй молодой господин Хоу?

Тот уставился на Цзя Чжу с таким неподдельным изумлением, словно перед ним предстал выходец из диких земель.

— Брат Хунъи, помилуй! — воскликнул Цзынин. — Неужто тебе неведомо имя второго молодого господина Хоу?!

Цзя Чжу соорудил самое невинное лицо, хотя мысленно обругал себя за глупый вопрос.

"Неужто этот господин настолько знаменит, что о нем шепчется каждый переулок столицы?"

— Признаться чистосердечно, не знаю, — с улыбкой ответил он. — Сделай милость, просвети невежду.

Сююй тоже придвинулся ближе, заинтригованный их беседой. Цзян Цзынин меж тем заговорил вполголоса:

— Этот достойный муж — ваш собрат по ученому поприщу. Если вам знаком Хоу Сяокан,

унаследовавший титул виконта первого класса, то как вы можете не знать его младшего брата, Хоу Сяохуа? Слава его давно затмила семейные регалии. В столице его величают не иначе как первым талантом Поднебесной. Едва достигнув совершеннолетия, он с блеском выдержал государственные испытания и удостоился звания чжуаньюаня — первого среди равных. Его изящный слог и глубина мысли вмиг покорили весь ученый мир. Сразу после этого он получил должность младшего составителя в Академии Ханьлинь, спустя год сделался чтецом Внутреннего кабинета, а ныне числится лектором Ханьлинь и занимает пост помощника главы Приказа Дипломатических Ритуалов. В министерствах поговаривают, что его возвышение до старшего чтеца — лишь вопрос нескольких месяцев.

— Истинно так, — кивнул сидевший напротив Янь Юй. — О втором молодом господине Хоу, нареченном Цзыцином, идет молва как о сошедшей на землю звезде словесности. Рассказывают, в младенчестве на обряде первого года он, не колеблясь, потянулся к гадательной дощечке легендарного Цан Цзе. И предзнаменование сбылось: едва перешагнув порог шестнадцатилетия, юноша стал первейшим лауреатом империи. Но и в этом не вся его исключительность. Всем известно, какое редкое событие — экзамен «Босюэ Хунцы», что проводится едва ли раз в полвека...

Сююй изумленно вскинул брови:

— Неужто этот господин — тот самый триумфатор, что победил на великом экзамене два года назад?!

— Именно он, — подтвердил Янь Юй. — Оттого и величают его «дважды увенчанным». Легко ли совладать с таким испытанием? От соискателя требуется проникнуть в суть небесных знамений и земных катастроф, постичь законы возвышения и падения династий, до тонкостей изучить деяния древних владык и писания мудрецов. Мало того — он должен ведать все о духах и призраках, о травах и деревьях, о зверях, птицах и рыбах. В прежние времена даже признанные мудрецы срезались на этих вопросах, и лишь ему одному удалось выйти победителем дважды.

— Да, — подхватил Хань Ци. — Из-за того что испытание не проводилось долгие годы, столица бурлила, и толпы ученых мужей рвались попытать счастья. Однако стоило разнестись слуху, что на экзамен явится сам Хоу Цзыцин, как большинство соискателей благоразумно отступили, признав поражение без боя. И он действительно превзошел все чаяния, заслужив высшую награду. В те дни по столице ходили стихи, прославляющие его триумф:

«В парчовом халате рожденный средь славных побед,

Затмил всех героев империи избранный свет.

Семь быстрых шагов — и пред престолом рождается стих,

И росчерком кисти закон направляет живых».

Вот о ком идет речь.

Цзя Чжу, слушая эти дифирамбы, незаметно подтолкнул Сююя локтем и лукаво шепнул ему на ухо:

— Ну что, слышал? Вот он, первый корифей столицы, твой негласный соперник. Не чувствуешь себя уязвленным рядом с таким исполином мысли?

Сююй лишь равнодушно пожал плечами, оставив поддразнивание без ответа.

В эту минуту со двора донеслись голоса.

— Я как раз сетовал пред гостями, что заполучить тебя, брат Цзыцин, — дело почти невозможное, — доносился мягкий голос Шуй Жуна. — Тем более теперь, когда Вэньцин соблюдает траур и прикован к постели. И все же ты соизволил почтить нас своим визитом...

— Ваше Высочество излишне благосклонны, — отозвался другой голос, чистый и певучий, но с едва уловимой ноткой высокомерной небрежности. — Разве мог я отвергнуть ваше приглашение? Не будь Си-эр связан узами траура и не изнуряй его недуг, он непременно разделил бы со мной этот вечер.

Все присутствующие дружно поднялись со своих мест. Вслед за хозяином дома в павильон вошел молодой человек. Высокий, статный, одетый с безупречным вкусом, он обладал лицом чистым, точно резной нефрит, и взором ясным, как предрассветные звезды. В его стати угадывалась благородная прелесть цветущего под луной дерева, а в легкой, скользящей походке — изящество покачивающейся на ветру ветви. Каждое его движение, исполненное величественного спокойствия, выдавало тонкий ум и редкое душевное благородство.

Цзя Чжу и Сююй переглянулись: перед ними предстал человек исключительной породы, явно не созданный для серой обыденности. Собравшиеся склонились в вежливом поклоне.

— Прошу простить мне мое опоздание, — небрежно бросил Хоу Сяохуа, едва удостоив общество кивком.

— Полноте, брат Хоу, мы знаем, как бремя государственных забот тяготит ваши плечи, — зашумели в ответ гости.

Шуй Жун подвел гостя к молодым людям и с улыбкой произнес:

— Позвол, дорогой Цзыцин, представить тебе тех, о ком я упоминал. Это сын достойного господина Линя, главы Ланьтайсы — Линь Сююй, а рядом с ним — Цзя Хунъи, наследник Поместья Жунго.

Выслушав хозяина, Хоу Сяохуа лишь вполоборота повернулся к юношам. Окинув их небрежным, скольльзящим взглядом из-под полуопущенных век, он едва заметно склонил голову. Сююй недовольно нахмурился, а Цзя Чжу едва заметно усмехнулся.

"Какое несносное чванство, — мысленно хмыкнул он. — Даже взгляда прямого не удостоил".

Между тем Шуй Жун, точно вспомнив нечто важное, всплеснул руками:

— Ах, чуть было не запамятовал! Вам троим ведь вовсе нет нужды чиниться, вы наверняка слышали друг о друге. Ведь вы все трое — воспитанники одного наставника, почтенного Шао Чэнцзо!

Среди гостей пронесся одобрительный шепот: «И то правда, как же мы забыли!»

Цзя Чжу и Сююй изумленно переглянулись.

— Так вот о каком «Хуа-эр» то и дело поминал учитель! — в один голос воскликнули они.

Лишь после этого Хоу Сяохуа соизволил повернуться к ним лицом. Взглянув на юношей с долей любопытства, он спросил:

— Стало быть, вы тоже обучались у господина Шао?

— Именно так, — сдержанно кивнул Сююй.

— Какая неожиданная встреча с почтенным собратом, — с вежливым, но ядовитым поклоном вмешался Цзя Чжу. — Прошу простить наше невежество, мы и не чаяли встретить здесь столь важную персону. Наставник в беседах с нами отчего-то ни разу не обмолвился вашим громким именем. Знай мы заранее, что наш старший соученик столь... высоко парит в облаках, величали бы вас иначе.

Хоу Сяохуа, однако, пропустил эту колкость мимо ушей, словно она предназначалась не ему. Он вновь обратился к Сююю:

— Как поживает наш наставник? Крепко ли его здоровье? С тех пор как господин Шао нашел приют в вашем благословенном доме, он наотрез отказывается принимать столичных гостей. Мы мельком виделись в моем поместье несколько лет назад, и с тех пор я ничего не слышал о его делах. Он и словом не обмолвился, что вновь решил взять учеников.

— Благодарю за участие, учитель пребывает в добром здравии и ни в чем не знает нужды, — сухо отрезал Сююй.

Поняв, что разговор окончен, Хоу Сяохуа более не удостоил юношей вниманием и повернулся к остальным гостям, завязав непринужденную беседу.

Цзя Чжу искоса взглянул на стоящего рядом друга. Сююй так и пыхал благородным негодованием — юноша явно не мог простить высокомерному выскочке его снисходительного тона.

Цзя Чжу мысленно вздохнул. Его всегда тревожила эта детская прямота побратима: Сююй был слишком честен, слишком горяч и совершенно не умел скрывать своих чувств. В будущем, когда придет пора вступить на зыбкую почву государственной службы, подобная искренность могла сослужить ему дурную службу. Тот, кого друзья почитают за благородного поборника правды, в глазах столичных интриганов выглядит лишь удобной мишенью. В чиновничьем омуте прямодушных топят первыми.

Покачав головой, Цзя Чжу незаметно потянул друга за широкий шелковый рукав, призывая умерить пыл. В конце концов, они находились под чужим гостеприимным кровом, и устраивать сцены было бы верхом неприличия.

<http://bllate.org/book/18221/1759253>